СОЦ.-РЕВОЛ. НА ЕВРЕЙСКОЙ ПОЧВЕ

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Общ. Евр. Раб. Союзъ, въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи

Соціалъ-революціонизмъ

на

ЕВРЕЙСКОЙ ПОЧВѢ.

X
205
147

(Оттискъ изъ 3 № „Вѣстника Бунда").

Изданіе Бунда.

1000 экземпляровъ.

2экз

Типографія Бунда.

Іюль 1904 г.

К.

ЦА205
С747

Библиотека ИМЭЛ

182-80
38.

Ц-8205у

2010

У 82

Библиотека
ИМЭЛ

СОЦІАЛЪ-РЕВОЛЮЦІОНИЗМЪ

на еврейской почвѣ.

Старый европейскій либерализмъ, съ его абстрактной „свободой личности", „свободой труда" и прочими лишенными конкретнаго содержанія свободами, явно выдыхается и вымираетъ, уступая свое мѣсто либерализму новѣйшему, окрашенному въ болѣе или менѣе яркую, болѣе или менѣе соціальную окраску. Фабіанцы въ Англіи, радикалъ-соціалисты во Франціи, соціалъ-политики въ Германіи являются на смѣну старымъ либеральнымъ партіямъ, все болѣе теряющимъ—а мѣстами и совсѣмъ потерявшимъ—всякій кредитъ и открыто становящимся на сторону реакціи. Діалектика исторіи — выступленіе на общественно-политическую арену классового пролетарскаго движенія - безпощадно превращала и превращаетъ лозунги стараго либерализма въ ихъ противоположность, подписывая, такимъ образомъ, смертный приговоръ, какъ этимъ лозунгамъ, такъ и ихъ носителямъ—старымъ либеральнымъ партіямъ. И если старый буржуазный либерализмъ являлся реакціей противъ отживающихъ общественныхъ силъ—королевскаго абсолютизма и сословныхъ привилегій—и отмираетъ вмѣстѣ съ причинами, его породившими, то либерализмъ новѣйшій, либерализмъ соціальный, являясь реакціей противъ главной силы современнаго общественнаго движенія—классового движенія пролетаріата—можетъ еще долго жить и развиваться, поскольку онъ и впредь будетъ приспособлять, приноравливать свою тактику къ этому главному нерву современной общественной эволюціи. Въ

этомъ повелительномъ для него приспособленіи—первое и основное условіе самого его существованія, условіе его живучести и жизнеспособности; только въ конкретизированіи абстрактныхъ „свободъ" пришедшаго въ ветхость стараго либерализма—залогъ его дальнѣйшаго развитія. И носители новѣйшаго соціалъ-либерализма прекрасно это сознаютъ. „Въ наше время,—говоритъ авторъ передовой статьи въ № 20 (44) Освобожденія („Политика либеральной партіи"),—либеральная программа немыслима и невозможна безъ широкаго плана соціальныхъ улучшеній, въ которыхъ и черезъ которыя свобода находитъ свое конкретное осуществленіе. Аграрная реформа, фабричное и рабочее законодательство, вся совокупность задачъ экономической и соціальной политики должна найти мѣсто въ нашей программѣ". Въ этой постановкѣ соціальнаго вопроса, въ этомъ конкретизированіи абстрактной свободы—глубокое отличіе новѣйшаго либерализма отъ его стараго отмирающаго собрата; въ этомъ его важное симптоматическое значеніе для современнаго пролетарскаго движенія. Въ образѣ ли соціалъ-радикализма, фабіанизма, даже бернштейніанизма или нашего соціалъ-революціонизма,—новѣйшій либерализмъ, самъ по себѣ не можетъ представлять собою опасности для классового пролетарскаго движенія: усложненіе, дальнѣйшее углубленіе соціалъ-либерализма служитъ лишь мѣриломъ силы и мощи пролетарскаго движенія. И задача соціалистической критики, въ данномъ случаѣ, сводится лишь къ тому, чтобы договорить все, почему либо недоговоренное соціалъ-либерализмомъ до конца, довести всѣ его програмные постулаты до ихъ крайнихъ послѣдствій, неустанно—по завѣту „Коммунистическаго Манифеста"—гоняя и толкая его впередъ. Эта критика всегда была лучшей школой, въ которой пролетарское со-

Библиотека
ИМЭЛ

знаніе все болѣе углублялось и обогащалось; таковою она еще останется надолго.

Въ Россіи старый либерализмъ никогда не игралъ и не могъ играть той роли, какую онъ сыгралъ въ Западной Европѣ. „Въ утрѣ пасмурныхъ дней“ азіатскаго деспотизма старый русскій либерализмъ „отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть“. Причины понятны. Муки родовъ капитализма во всѣхъ странахъ Западной Европы сопровождались болѣе или менѣе сильными революціонными взрывами, начиная пожаромъ великой революціи во Франціи и кончая блѣднымъ ея отраженіемъ въ серединѣ XIX столѣтія въ Германіи и Австріи. Русское самодержавіе, цѣною освобожденія „сверху“—вмѣсто освобожденія „снизу“—сумѣло стать акушеркой русскаго капитализма, оторочивъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, основательно подготовивъ свою неизмѣнную и—что всего важнѣе—болѣе коренную гибель. Ставъ глашатаемъ и носителемъ „свободы труда“ и свободы, если не личности вообще, то „извѣстныхъ личностей“—Разуваевыхъ и Колупаевыхъ, самодержавіе выбило изъ рукъ стараго либерализма самое острое его оружіе и подрѣзало его въ зародышѣ. Только подъ трескъ террористическ. пуль и бомбъ русскіе либералы начали входить, куда слѣдуетъ, съ „представленіями“ и ходатайствами, посылать, куда слѣдуетъ и даже не слѣдуетъ, адреса и петиціи и лепетать втихомолку—„не то о конституціи, не то о севрюжинѣ“. Но справедливо замѣчаетъ П. Струве (Освобожденіе № 1, „Отъ редактора“)—„голоса радикальной интеллигенціи 70-хъ годовъ пропали—на нихъ не оказалось народнаго отклика“. Вмѣстѣ съ этими голосами умеръ и лепетъ стараго либерализма.

Но ставъ акушеркой и нянькой капитализма, ставъ глашатаемъ и носителемъ „свободы труда“ и свободы „извѣстныхъ личностей“, русскій царизмъ

сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ воспитателемъ своихъ могильщиковъ. За капиталистомъ, какъ его тѣнь, слѣдуетъ его антиподъ—промышленный рабочій, городской пролетаріатъ. А городской пролетарій—это тотъ народъ, отклика котораго такъ не доставало радикальной интеллигенціи 70-хъ годовъ. „Что бы мы не думали,—говоритъ далѣе Струве въ только цитированной статьѣ,— о его послѣднихъ упованіяхъ, —соціалистическое движеніе, свидѣтелями и современниками котораго суждено намъ быть, несомнѣнно разрѣшило свою задачу: въ промышленномъ рабочемъ оно нашло народъ... Придя во-время, она (соціальдемократія) нашла откликъ въ массѣ, и этотъ откликъ будетъ становиться все громче и сознательнѣе. Какъ правительство не смогло запугать интеллигенцію, такъ еще менѣе сможетъ оно запугать цѣлый классъ народа, проснувшагося къ сознанію".

Послѣднее десятилѣтіе истекшаго и первые годы текущаго столѣтія съ наглядной очевидностью это показали и доказали. Противорѣчіе между капиталистическимъ производствомъ и выросшимъ на его почвѣ массовымъ рабочимъ движеніемъ,—съ одной стороны, и царскимъ абсолютизмомъ—съ другой, становится все болѣе кричащимъ, вопіющимъ. Незаконному сожительству европейскаго капитализма съ азіатскимъ деспотизмомъ—этой основной изъ всѣхъ столь поразительныхъ „особенностей" Россіи, очевидно, наступаетъ конецъ. Бьетъ послѣдній часъ русскаго самодержавія. „Только слѣпые и малосмыслѣнные люди—говоритъ Струве все въ томъ же редакторскомъ заявленіи—не видятъ и не уразумѣваютъ явныхъ [illegible] знаменій грядущихъ великихъ событій; только глухіе и оглушенные не слышатъ работы [illegible] массъ, создающихъ новый духъ, новыя формы жизни, новыя общественныя отношенія..."; „безсмысленнымъ мечтаніямъ бюрократіи, очевидно наступаетъ

конецъ. Множатся предвѣстія приближающейся расплаты". И русская либеральная мысль зашевелилась. Надо правду сказать—за періодъ, протекшій съ 70-хъ годовъ, она кое-чему научилась. „Самодержавно-бюрократическій режимъ—говоритъ авторъ уже цитированной нами статьи „Политика либеральной партіи" (Освобожденіе № 20 стр. 44), —для правящихъ лицъ представляетъ собою такія очевидныя и осязательныя преимущества, что выпустить его изъ рукъ они не рѣшатся безъ настоятельной необходимости. Никакіе адреса и петиціи, никакія увѣщанія и всеподданнѣйшія записки не повліяютъ на монарха, если за ними не будетъ стоять реальной и принудительной силы организованнаго общественнаго мнѣнія". И въ надежныхъ рукахъ П. Струве, человѣка, видавшаго, что называется, всякіе виды и прошедшаго черезъ школу марксизма, либеральная мысль весьма скоро выриссовалась, какъ—двуединая реакція: противъ доживающаго свои послѣдніе дни царскаго самодержавія—съ одной стороны, и противъ все растущей волны пролетарски-классового движенія—съ другой. „Обращаясь не исключительно, но въ очень значительной степени къ умѣреннымъ, не участвующимъ въ революціонной борьбѣ элементамъ русскаго общества", „Освобожденіе" съ самаго начала ставила себѣ задачу—„настойчиво внушать этимъ элементамъ, что именно на нихъ современное положеніе вещей въ Россіи налагаетъ тягчайшую нравственно-политическую отвѣтственность". Дѣло, видите ли, въ томъ, что „нереволюціонные элементы общества только тогда получатъ право призывать революціонеровъ къ умѣренности и отклонять ихъ отъ насилій и крайностей, когда они сами, понявъ, что у м ѣ р е н н о с т ь о б я з ы в а е т ъ, бросятъ на вѣсы исторіи свои политическія дѣйствія, свое гражданское мужество".

Если для „вліянія на монарха"—въ смыслѣ уничтоженія самодержавія—нужна „реальная принудительная сила организованнаго общественнаго мнѣнія", то организація не участвующихъ въ революціонномъ движеніи умѣренныхъ элементовъ не менѣе нужна для того, чтобы они получили право „призывать революціонеровъ къ умѣренности и отклонять ихъ отъ насилій и крайностей", когда это понадобится. Двуликій Янусъ двуединой либеральной реакціи ясно глядитъ на насъ изъ-за этихъ строкъ.

Еще въ своемъ редакторскомъ заявленіи Струве, не безъ нѣкотораго безпокойства, указывалъ на то серьезное обстоятельство, что „крайнія направленія нашей страны организованы". Необходимо спѣшить. Авторъ же статьи „Политика либеральной партіи", менѣе, чѣмъ черезъ два года, чуть ли не бьетъ уже тревогу по поводу тѣхъ послѣдствій, которыя могутъ проистечь изъ неорганизованности либерализма и организованности крайнихъ теченій. „События русской жизни,—тревожится нашъ авторъ,—принимаютъ такой быстрый и угрожающій ходъ, что мы можемъ оказаться внезапно передъ перспективой общаго кризиса, когда будетъ поздно обдумывать нашу программу и организовать средства для ея исполненія. Моментъ будетъ упущенъ, и русская либеральная партія, прежде чѣмъ докажетъ свою способность къ созидательной работѣ, будетъ оттѣснена въ самый важный и критическій моментъ другими элементами, болѣе крайними и рѣшительными".

Интерпретаторъ новѣйшаго русскаго либерализма недаромъ въ очень значительной степени обращается къ „отцамъ" и „умѣреннымъ", къ неучаствующимъ въ революціонной борьбѣ элементамъ русскаго общества. Онъ знаетъ, что нынѣшнимъ „дѣтямъ" далеко непохожимъ „отцовъ" совсѣмъ не пристала атмосфера либеральной

Библиотека
Киева

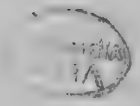
Библиотека

„умѣренности и аккуратности". Передъ взоромъ революціонно-настроенныхъ горячихъ юношей-„дѣтей" проносятся героическіе и трагическіе образы другихъ „дѣтей" — дѣтей 70-хъ годовъ, которыхъ бѣлый терроръ царскаго деспотизма превращалъ изъ агнцевъ въ тигровъ, и они пылаютъ жаждой мести и воздаянія. Именно въ виду возможнаго новаго единоборства между революціонно-настроенными дѣтьми и царскимъ деспотизмомъ—единоборства, отчасти уже тогда вновь начавшагося было, Струве и призывалъ отцовъ и умѣренныхъ активно вмѣшаться, ибо,— поясняетъ онъ,—„нельзя отцамъ и умѣреннымъ, оставаясь людьми и гражданами", равнодушно смотрѣть на эту неравную борьбу и „спокойно итти своей дорогой". Правда, отношеніе революціонно настроенныхъ „дѣтей" къ ихъ умѣреннымъ „отцамъ" весьма деликатно; влеченіе—родъ недуга—къ послѣднимъ то и дѣло овладѣваетъ ими, но цѣликомъ и пока—пока, по крайней мѣрѣ, существуетъ революціонизирующій и терроризирующій ихъ царизмъ—они въ лоно либерализма войти не могутъ, и они сугубо каждый разъ подчеркиваютъ свой „соціалъ-революціонизмъ".

Если, такимъ образомъ, пылкимъ „дѣтямъ" неловко и неудобно въ атмосферѣ умѣреннаго и аккуратнаго либерализма, то имъ прямо душно въ атмосферѣ „ортодоксальнаго догматизма" съ его слишкомъ ужъ тѣснымъ и узкимъ базисомъ „классовой борьбы", съ котораго, какъ съ печки, косящая въ „догматическомъ упорствѣ" соціальдемократія только и можетъ начинать свой „буржуазно демократическій" танецъ. Какъ „брейт-эрцигенъ", „истиннымъ" соціалистамъ, термины „трудящіяся массы", „трудовое крестьянство" больше говорятъ ихъ уму и сердцу. Тутъ поле дѣятельности для „умственнаго цвѣта націи"—интеллигенціи, тяготѣющей, вслѣдствіе несовершенствъ буржуазнаго

строя, къ „эксплуатируемымъ",—гораздо шире и богаче. „Брейтэрциге" соціалисты не заливают своихъ товарищъ узкой „воскомъ догматизма", не создаютъ себѣ кумировъ изъ городского пролетарія и его „классовой борьбы": противъ этой „узости" они и взываютъ къ „умственному цвѣту націи" и трудовому крестьянству, готовому, если не къ полному, то къ „полу"-соціализму и, во всякомъ случаѣ, ко всякаго рода ассоціаціямъ, коопераціямъ и соціализаціямъ. Брейтэрциге соціалисты не могутъ также подобно „ортодоксальнымъ догматикамъ", видѣть въ низверженіи абсолютизма лишь средство очищенія и расширенія классовой борьбы пролетаріата; нѣтъ, въ этомъ низверженіи они видятъ „благо само по себѣ", открывающее, къ тому же, такое обширное поле дѣятельности для творческихъ силъ „умственнаго цвѣта націи", на поприщѣ всевозможныхъ кооперацій и ассоціацій, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ.

Интеллигенція (честь и первое мѣсто!), городской рабочій и трудовое крестьянство—таковы „основныя начала" отрекающагося, какъ отъ соціалъ-либерализма, такъ и отъ соціалъ „догматизма", „чистаго", какъ слеза, русскаго соціалъ революціонизма. И если, какъ мы видѣли, новѣйшій русскій либерализм представляетъ собою двуединую реакцію противъ царскаго самодержавія—съ одной стороны и классового пролетарскаго движенія — съ другой, то русскій соціалъ-революціонизмъ представляетъ не лишенную нѣкоей „изобрѣтательности" триединую... акцію, долженствующую сгладить всѣ острые углы нашей общественной жизни и водворить — „на землѣ покой и въ человѣцѣхъ благоволеніе".



Этотъ сжатый очеркъ двухъ побочныхъ теченій русской оппозиціонной мысли, сопровождающихъ главный соціаль-демократическій потокъ, глубоко революціонный по самому существу, а потому не нуждающійся ни въ какихъ внѣшнихъ революціонизирующихъ или терроризирующихъ факторахъ,—поможетъ намъ понять и оцѣнить по достоинству характеръ и физіономію того „новаго слова", сказать которое „задались цѣлью" представители якобы „революціонной еврейской мысли".

Русская соціальдемократія разрѣшила свою задачу: въ промышленномъ рабочемъ она нашла народъ. Одного этого факта достаточно было для того, чтобы произвести цѣлый переворотъ, какъ въ головахъ умѣренныхъ „отцовъ", такъ и въ головахъ революціонно-настроенныхъ „дѣтей". Одинаковая причина вызываетъ одинаковыя слѣдствія, и еврейское рабочее движеніе произвело такой же переворотъ въ умахъ „отцовъ" и „дѣтей", но узкій базисъ „черты осѣдлости" и—что самое главное—отравленная атмосфера исключительности и безправія наложили свой отпечатокъ на консервативную и прогрессивную реакцію противъ новаго могучаго фактора еврейской жизни—классового движенія еврейскаго пролетаріата.

Но прежде чѣмъ перейти къ анализу этой двоякой реакціи и новому „органу еврейской революціонной мысли"—„Возрожденію", намъ необходимо нѣсколько остановиться на одной далеко не маловажной особенности русско-еврейской жизни, сказавшейся, какъ на еврейскомъ рабочемъ движеніи, такъ и на вызванной имъ противъ себя консервативно-прогрессивной реакціи.

Евреи въ Россіи представляютъ собою исконный городской элементъ. Вотъ почему русское революціонное движеніе 60—70 гг. совершенно не затронуло евреевъ, какъ таковыхъ, не затронуло—

и не могло затронуть—еврейской массы: прошлое революціонное движеніе, поскольку оно искало опоры въ массѣ, искало ее преимущественно и прежде всего въ массѣ крестьянской; а этой массы среди евреевъ нѣтъ и не было. Если же къ концу 70 и въ началѣ 80 хъ гг. городскіе рабочіе стали все болѣе выдвигаться на первый планъ; если отдѣльные ихъ представители и предназначались даже къ роли застрѣльщиковъ ближайшей революціи, то, въ общемъ, роль городского пролетаріата сводилась къ роли одного изъ вспомогательныхъ отрядовъ грядущей революціи; его движеніе должно было потонуть въ общенародномъ возстаніи,—подъ народомъ же, главнымъ образомъ, подразумѣвалось крестьянство. Понятно, что еврейскіе пролетаріи, которые къ тому времени находились еще въ процессѣ нарожденія, совершенно не могли итти въ разсчетъ: для возникновенія еврейскаго соціалъ-демократическаго движенія недоставало необходимаго предварительнаго условія—броженія въ массѣ. Вотъ почему евреи—революціонеры, процентъ которыхъ и въ прошломъ революціонномъ движеніи былъ, какъ извѣстно, довольно высокъ, лишь постольку участвовали въ этомъ движеніи, поскольку они отряхали съ себя все еврейское — поскольку они отъ еврейства совершенно уходили.

Но если революціонный потокъ второй половины истекшаго столѣтія совершенно не задѣлъ русскаго еврейства, какъ такового, то теченіе соціальдемократическое, наоборотъ, быстрѣе и основательнѣе—по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ—захватило именно еврейскую рабочую массу, вербуя среди нея своихъ лучшихъ сознательныхъ рекрутовъ. И участіе еврейскихъ рабочихъ въ соціальдемократическомъ движеніи становилось массовымъ именно въ той мѣрѣ, въ какой они вовлекались въ него, какъ — еврейскіе рабочіе. Ни

ѣе
яіе,
ей-
ду.
ус-
ые
та-
мъ
гъ,
ру-
ъ",
ыя
из-
ги.
со-
ли
въ
и
ри
ая
н-
их
ой
р-
ѣ-
о-
т-
вѣ
й-
ла
и,
н-
гь
а,
а-
ій
ль

для кого не тайна, что если россійская соціалъ-демократія нашла въ промышленномъ рабочемъ народъ, то—прежде всего она нашла его въ еврейскомъ рабочемъ.

Быть можетъ съ той точки зрѣнія, сущность которой составляетъ исключительный секретъ нѣкоторыхъ дальновидныхъ „искровцевъ“ это явленіе —анормально, и „съ наименьшей ломкой“ подлежитъ, поэтому, сносу. Мы этого не знаемъ. Мы знаемъ только одно: какъ фактъ историческій, явленіе это имѣетъ и конкретное историческое объясненіе. Исконный городской житель, ничѣмъ не связанный съ деревней и ея вѣковыми традиціями, еврейскій рабочій, своимъ здоровымъ классовымъ инстинктомъ, скорѣе другихъ узналъ въ ученіи о классовой борьбѣ с в о е ученіе, и быстрѣе и глубже сталъ имъ проникаться. Вотъ почему, между прочимъ, въ м а с с ѣ еврейскихъ пролетаріевъ соціалъ-революціонизмъ не находилъ и не находитъ до сихъ поръ отклика, увлекая лишь отдѣльные, далеко не лучшіе ея элементы. Таковъ „историческій“ фактъ, таково „историческое“ же его объясненіе. Разсужденіе о нормальности или анормальности тутъ просто неумѣстно и—нелѣпо. Неумѣстно и нелѣпо также, въ примѣненіи къ данному случаю, абстрактное разсужденіе о „части“ и „цѣломъ“ и тѣхъ чисто „логическихъ“ послѣдствіяхъ, которыя отсюда вытекаютъ. И всякій не въ мѣру „твердый человѣкъ съ планомъ“, который, игнорируя логику вещей и исторіи, знаетъ только свою собственную логику и свой собственный планъ,—рискуетъ раньше или позже, по примѣру Щедринскаго Угрюмъ-Бурчеева, дойти до того бушующаго потока, который проглотитъ и его самаго, и его детально разработанные планы, отдающіе аракчеевщиной и военными поселеніями...

По только что указаннымъ историческимъ

причинамъ, еврейская рабочая масса все болѣе вовлекалась въ соціальдемократическое движеніе, революціонизируя не только широкіе круги еврейскихъ пролетаріевъ, но и всю окружающую среду. За двѣ тысячи лѣтъ рабской униженности и трусливой покорности, въ еврейскомъ народѣ впервые возсталъ классъ, поднявшій открыто знамя возстанія. Понятны паника и страхъ, вызванные этимъ фактомъ въ сердцахъ однихъ, и полный переворотъ, произведенный этимъ же фактомъ въ умахъ другихъ. Вопли духовенства о „раздорахъ въ Израилѣ", о страшныхъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, которыя эти раздоры неминуемо навлекутъ на единый „избранный народъ",— у всѣхъ еще свѣжи въ памяти.

Но если „такъ" реагировала еврейская ортодоксальная мысль, то не дремала и еврейская либеральная мысль. Вспугнутая, встревоженная въ своемъ пессимистическомъ покоѣ, она забилась и стала искать выхода. Мы видѣли уже, какъ, при аналогичныхъ условіяхъ, русская либеральная мысль, въ лицѣ своего адвоката П. Струве, констатировавъ наличность извѣстныхъ историческихъ знаменій, открыто вылилась въ форму двуединой реакціи и приглашала своихъ приверженцевъ организоваться во имя будущаго призыва кого слѣдуетъ къ „умѣренности", во имя отклоненія революціонеровъ отъ „насилій и крайностей". Въ отравленной атмосферѣ „черты", на нездоровой почвѣ исключительности и безправія, либеральная еврейская мысль, какъ въ кривомъ зеркалѣ, приняла отвратительно чудовищныя, уродливыя формы, и, вмѣсто широкой, открытой дороги правительственной оппозиціи и соціальной реакціи, стала искать столь обычныхъ ей обходовъ и изворотовъ и нашла, наконецъ, не выходъ, а новый „исходъ"—въ Палестину... „На ловца и звѣрь бѣжитъ"—и „новый мессія"—престидижитаторъ и авантюристъ Герцль

для кого
демократія
народъ, то-
скомъ рабе
Быть
которой со
которыхъ д
—анормаль
жить, поэт
знаемъ тол
леніе это
ясненіе. И
связанный
еврейскій
инстинктом
классовой
же сталъ
прочимъ,
соціалъ-ре
до сихъ п
далеко не
ческій" фа
ясненіе. Р
мальности
умѣстно и
слутаю, аб
домъ" и
которыя с
„твердый
рируя лог
собственн
рискуетъ
скаго Угр
потока, к
детально
щиной и
По

...блиотека
ИМЭЛ

безраздѣльно господствовалъ надъ самоопьяненной, себя и другихъ обманывающей толпой соціально-реакціонныхъ еврейскихъ либераловъ. Тѣмъ жесточе былъ часъ отрезвленія—часъ расплаты за свое „неразумное“ увлеченіе—для „революціонно“ и даже „пролетарски-настроенныхъ“ дѣтей чересчуръ ужъ умѣренныхъ еврейскихъ „отцовъ“.

Въ своемъ „неразумномъ“ увлеченіи „революціонно настроенныя“ дѣти проморгали, можно сказать, цѣлую новую полосу въ жизни русскаго еврейства—полосу огромной важности. Еврейское рабочее движеніе распространялось на все большіе и большіе круги; подъ знамя его все крѣпнувшей организаціи (Бундъ) становились все болѣе широкія рабочія массы, а пылкія „дѣти“ все продолжали препираться со своими далеко не пылкими „отцами“ о разныхъ пустякахъ. Между тѣмъ еврейское рабочее движеніе, совершенно игнорируя и „отцовъ“ и ихъ „дѣтей“, росло и развивалось, пока не выросло въ могущественный факторъ еврейской общественной жизни, факторъ, съ которымъ стали считаться всѣ—даже всесильное русское самодержавіе. Лишь тогда „чуткія“ дѣти спохватились и заметались во всѣ стороны. Передъ лицомъ такого противника, какимъ оказалось организованное еврейское рабочее движеніе—либерализмъ, даже новѣйшій, оказался бы слишкомъ ужъ заржавленнымъ и негоднымъ оружіемъ, а для созданія своего спеціально еврейскаго, соціалъ-революціонизма—какъ мы это отчасти уже видѣли и еще болѣе увидимъ ниже—среди евреевъ не было и нѣтъ никакой почвы. Оставалось одно—лгать за двухъ: и за соціалъ-либерализмъ, и за соціалъ-революціонизмъ. Гг. возрожденцы и выполняютъ эту миссію по мѣрѣ силъ и разумѣнія.

Начали они съ того, что съ яростью, граничащей почти съ бѣшенствомъ, набросились на сво-

ихъ вчерашнихъ друзей и союзниковъ—умѣренныхъ „отцовъ".

Но представимъ слово самимъ революціонно настроеннымъ „дѣтямъ": ....Скоро, однако, и сіонизмъ доказалъ, что онъ не можетъ оправдать всѣ надежды, которыя на него возлагала еврейская интеллигенція... Скудость и убожество его теоретической формулировки, шаткость и „утопичность" средствъ, долженствовавшихъ вести къ торжеству сіонистскаго идеала, „реакціонная" практика сіонистскаго движенія, вытекавшая изъ практики компромиссовъ: преобладаніе въ сіонистской организаціи „мелкой буржуазіи, изгонявшей изъ нея всякую прогрессивную мысль" и придавшей такой „реакціонный" видъ сіонистскому движенію и—самое главное—чрезмѣрное увлеченіе отдаленными идеалами будущаго, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ „полное игнорированіе" задачъ, вытекавшихъ для еврейскаго народа изъ его положенія среди другихъ народовъ—все это заставило передовую сіонистскую интеллигенцію („двѣтъ націи" тожъ) приступить къ переоцѣнкѣ своего національнаго идеала и вызвало въ ней тѣ идейныя шатанія, которыя представляютъ въ настоящее время ея отличительную черту". *).

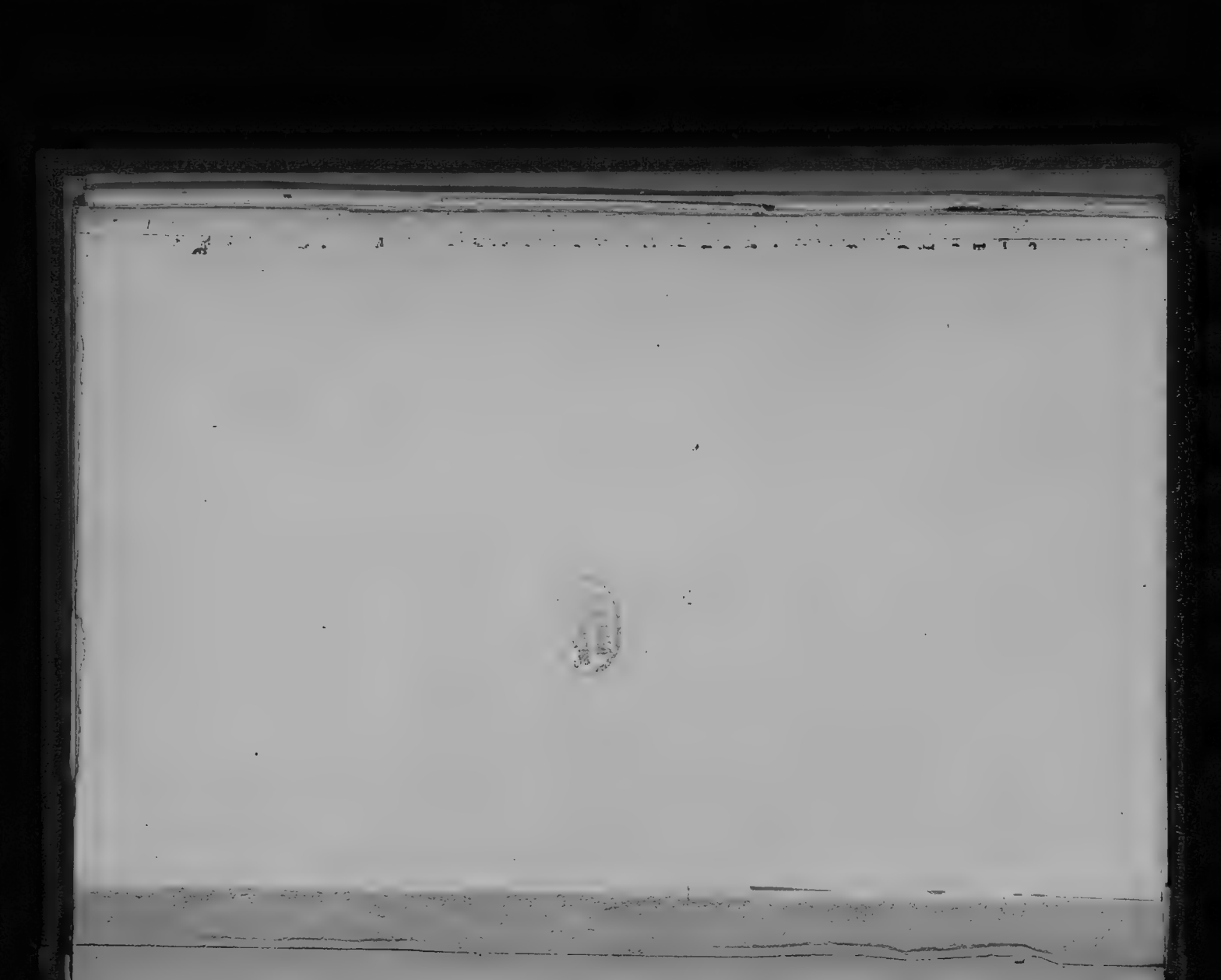
Вы видите, революціонно настроенныя „дѣти" прямо таки возстали противъ своихъ „отцовъ умѣренныхъ". Можно подумать, что они въ пылу негодованія, заразились нашей „нелитературной полемикой", что термины прямо взяты изъ нашего арсенала. Намъ осталось только подчеркнуть ихъ —что мы и сдѣлали: комментаріи излишни.

Столь же „нелитературно" — возмутившіяся „дѣти" раздѣлываются съ „демократической фракціей и пойлой сіонистами", создавшими „реакціон-

*) Отчетъ конференціи „Возрожденія, стр. 12.

для
демо
наро
ско

кот
кот
—а
жит
зна
лев
ясн
свя
евр
ин
кл
же
пр
со
до
да
че
яс
ма
ум
сл
ле
к
„
р
с
р
с
п
д
в



ныя формы борьбы", особенно минскими, „мало чѣмъ отличавшимися отъ независимцевъ и частично съ ними сливавшимися". *)

„Революціонно и пролетарски настроенныхъ" „дѣтей" не удовлетворяетъ, само собою понятно, и Бундъ. Референтъ, чью критику политическаго сіонизма мы привели выше, „указалъ на его (Бунда) основные дефекты, которые не даютъ „болѣе дальновидной интеллигенціи" (хотъ оно что!) возможности примкнуть къ нему", Бундъ, видите ли, „страдаетъ своей безличностью" **) въ смыслѣ національномъ. А къ гармоническому развитію „личности" (немыслимому внѣ обособленной „національной оболочки"), къ созданію богатой разнообразнымъ творчествомъ „индивидуальности", сводится, какъ мы увидимъ ниже, весь новоиспеченный „возрожденцами"... соціализмъ.

Какъ соціалисты-революціонеры, наши „возрожденцы" „ужасъ какъ не любятъ" ортодоксальнаго марксизма, въ которомъ, какъ извѣстно, и Бундъ, упорно коснѣетъ". И храбрый референтъ призываетъ своихъ товарищей „покончить съ „этими сомнительными теоріями, чтобы очистить путь для творческой мысли, не скованной узкими рамками догмы".

Ни дать, ни взять—соціалистъ-революціонеръ! „И если многіе изъ насъ,—горячится далѣе референтъ,—имѣли мужество поднять руку на ортодоксальный марксизмъ,... то почему они не могутъ быть послѣдовательны до конца?"

„Неужели—продолжаетъ онъ—вопросомъ о пролетаризаціи исчерпываются всѣ формы еврейскаго гнета вообще, или даже всѣ формы экономической эксплуатаціи еврейства, въ частности?",

*) Отчетъ конфер. „Возрожденія", стр. 5 и прим.
**) Тамъ же, стр. 13.

„И неужели самое характерное и вопіющее въ ненормальномъ положеніи еврейства заключается въ этой, выдвинутой только самымъ послѣднимъ временемъ проблемѣ еврейской трудящейся массы?“

Референтъ съ этимъ рѣшительно не согласенъ и отказывается, поэтому, „брать на прокатъ мѣшковатыя теоріи и случайные моменты“! *)

Въ чемъ же, однако, то новое слово, сказать которое задались цѣлью революціонно настроенныя дѣти?

Уже цитированный нами референтъ сводитъ это новое слово къ одному главному принципу, „который долженъ лечь въ основу программы новой политической партіи, желающей отвѣтить на всѣ потребности (долой „узкія рамки догмы“!) еврейской массы“. Такимъ принципомъ является принципъ автономизма, который для нѣкоторой части еврейскаго народа начнетъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ воплощаться въ конкретныя формы самостоятельной жизни на собственной территоріи; для остальной же, и, надо полагать, самой большой, части еврейскаго народа автономизмъ послужитъ лишь регулятивнымъ принципомъ въ борьбѣ за максимумъ національныхъ правъ, полученіе которыхъ возможно въ діаспорѣ. Вопросъ о территоріи для этой послѣдней части откладывается въ долгій ящикъ далекаго будущаго—въ ящикъ никогда не осуществимыхъ идеаловъ.**).

Великая сіонистическая гора родила простую мышь автономизма, который для незначительной части еврейства, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, начнетъ воплощаться въ конкретныя формы жизни на собственной территоріи, для огромной же части остального еврейства будетъ служить

*) Отчетъ, стр. 27.
**) Отчетъ, стр. 14.

Библиотека
ИКЗ

лишь регулятивнымъ принципомъ. Сіону, какъ территоріи, на которую постепенно должно переселиться значительное большинство евреевъ—дана полная отставка. „Гдѣ—въ какомъ пунктѣ пространства, когда—въ какой моментъ времени, осуществится эта дорогая для насъ мечта (пріобрѣтеніе собственной территоріи)—мы не знаемъ. Но мы твердо знаемъ ... что послѣдняя (т. е. территорія) будетъ достигнута, взята, завоевана".*).

„Но разъ—продолжаетъ референтъ—территоріальная автономія для широкихъ народныхъ массъ можетъ быть только „идеаломъ", отодвигаясь въ отдаленное будущее, то тѣмъ настойчивѣе выступаютъ вопросы „гегенвартс-программъ", требующіе своего разрѣшенія". И референту кажется, „что единственнымъ выходомъ, высшимъ синтезомъ, объединяющимъ въ одну стройную систему наше будущее и настоящее", является „принципъ автономизма**). Но—спѣшитъ его поправить авторъ „Нашихъ задачъ"—„туманъ неотложныхъ и измѣнчивыхъ практическихъ потребностей дня"—напримѣръ, экономическая борьба еврейскаго пролетаріата съ еврейской буржуазіей—такъ что ли, г. авторъ?—отнюдь не долженъ „затемнять той завѣтной цѣли, къ которой мы будетъ неуклонно стремиться". И для того, чтобы въ моментъ пріобрѣтенія территоріи—моментъ времени, наступленія котораго, какъ мы видѣли выше, „мы не знаемъ."—мы не были застигнуты врасплохъ—„мы должны фиксировать нашу національную мысль, наши національныя стремленія, наши національныя силы на одной центральной идеѣ—идеѣ національнаго возрожденія". И вполнѣ понятно—почему. „Яркая, какъ день, свѣтлая, какъ солнце и сильная, какъ сталь—эта

*) Наши задачи. „Возрожденіе" № 1—2.
**) Отчетъ, стр. 28.

идея восторжествуетъ тогда на страхъ мракобѣсамъ и наперекоръ консервативнымъ и прогрессивнымъ ортодоксамъ".

Итакъ, увлекайся—да въ мѣру. Вопросы „Гегельварте-программъ настойчиво требуютъ своего разрѣшенія; грѣхъ мелко-буржуазнаго, утопичнаго, реакціоннаго политическаго сіонизма именно въ томъ и состоитъ, что онъ всецѣло игнорируетъ задачи, вытекающія для еврейскаго народа изъ его современнаго положенія, по. . всѣ мысли, всѣ стремленія, всѣ силы должны быть фиксированы и сосредоточены на одной центральной идеѣ—идеѣ національнаго возрожденія на собственной территоріи, моментъ пріобрѣтенія которой намъ неизвѣстенъ; во имя этой идеи долженъ быть разсѣянъ туманъ неотложныхъ и измѣнчивыхъ практическихъ потребностей дня; на „алтарь борьбы" за эту центральную идею еврейскій народъ долженъ будетъ принести „неминуемыя кровавыя жертвы". „Историческій же опытъ удостовѣряетъ, что къ такому принесенію себя въ жертву во имя идеала способенъ испытанный въ жизненной борьбѣ пролетаріатъ, который и долженъ составить авангардъ еврейскаго революціоннаго движенія".*)

Но если вы, смущенный всей этой галиматьей и напыщенной фразеологіей, спросите: что же общаго между этимъ кровавымъ націонализмомъ и тѣмъ соціализмомъ, о которомъ вы же, гг. возрожденцы, такъ много толкуете вкривь и вкось? если вы спросите: почему еврейскій пролетаріатъ, во имя навязанной ему вами „центральной идеи", долженъ даже отказаться отъ своихъ, хотя и „измѣнчивыхъ", но все же „неотложныхъ практическихъ потребностей дня", объявляя ихъ просто „туманомъ"? если вы..., Но напрасно, читатель!

---

*) Наши задачи. „Возрожденіе", № 1—2.

А. 8205

Библиотека

Веселый авторъ „Нашихъ задачъ", которому, какъ мы видѣли, улыбается яркій день, свѣтитъ ясное солнце и сверкаетъ „сильная сталь", который торжествуетъ на страхъ врагамъ и наперекоръ всѣмъ стихіямъ—этотъ веселый авторъ давно предупредилъ васъ, и на всѣ ваши „проклятые вопросы" у него давно уже припасены совершенно ясные отвѣты".

„Мы предвидимъ эти возраженія, намъ знакомы эти сомнѣнія. Этими возраженіями испещрена каждая клѣтка нашего мозга, эти сомнѣнія политы кровью нашего сердца, которое все это испытало, все перестрадало. Намъ памятны эти муки колебаній, эти судороги тревожныхъ и внезапныхъ переходовъ отъ соціалистической борьбы къ національной „самопомощи" и обратно—въ тѣ дни, когда между соціализмомъ и націонализмомъ и нами мыслилась бездна великая и непроходимая".

Ухъ, страсти то какія! Успокойтесь, однако, читатель, ибо все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, и за мракомъ отчаянія наступаетъ свѣтлая заря умственнаго и нравственнаго возрожденія.

„Но душевной борьбой, исканіемъ сердца, муками умственной борьбы мы изжили это настроеніе, и теперь передъ нашимъ взоромъ въ туманной дали грядущей работы (?) ярко вырисовывается единый и цѣльный, прекрасный и величественный идеалъ національно-соціалистической революціонной борьбы, ясной, какъ день, необходимой, какъ жизнь" *)—свѣтлой, какъ солнце, сильной, какъ сталь—вѣроятно забылъ прибавить авторъ.

Вы видите, авторъ все предвидѣлъ, и на наши вопросы даетъ—не правда ли?—самые „ясные",

---

*) Наши задачи. Возрожденіе, № 1—2.

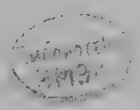
самые недвусмысленные ответы.

Не менѣе „ясенъ“ и недвусмысленъ и соціализмъ нашихъ „возрожденцевъ“.

Философъ „Возрожденія“ выдвинулъ совершенно новое—у „возрожденцевъ“ все съ иголочки — соціологическое воззрѣніе, съ которымъ, въ общихъ чертахъ, согласилось большинство конференціи. Исходнымъ пунктомъ своего „воззрѣнія“ философъ беретъ теорію „борьбы за индивидуальность“ покойнаго Михайловскаго, частью съ послѣднимъ „не соглашается“, большей частью мелетъ вздоръ, а мимоходомъ плохо пересказываетъ“ своими словами“ новѣйшую философію нашихъ русскихъ идеалистовъ. На этой новѣйшей соціологической галиматьѣ мы останавливаться не будемъ —это насъ завело бы слишкомъ далеко,—а обратимся къ его болѣе конкретнымъ, практическимъ выводамъ.

Нашъ философъ думаетъ, что „для евреевъ-націоналистовъ, ставящихъ своимъ девизомъ возрожденіе народа на опредѣленной территоріи, единственно прогрессивной и свободной отъ односторонностей партіей“, является, при современныхъ условіяхъ еврейской дѣйствительности въ Россіи, только „партія національно-революціонная“. Эта партія,—полагаетъ далѣе философъ,—не должна быть узко-пролетарской, она должна выражать общенаціональные интересы широкихъ народныхъ массъ, изъ нихъ исходить и на нихъ опираться“, ибо для евреевъ, какъ для угнетенной національности, существуетъ цѣлая область внѣ-классовыхъ, чисто-національныхъ интересовъ, общихъ всѣмъ классамъ еврейства и особенно сильно затрагивающихъ широкія народныя массы, въ которыя онъ—философъ —включаетъ, какъ еврейскій пролетаріатъ, такъ и часть еврейской мелкой буржуазіи. И не

БИБЛИОТЕКА
МГЭА



только мелкой буржуазіи. „Даже буржуазія (крупная?) еврейская, поскольку она борется за національно-еврейскіе университеты, этимъ самымъ подымается надъ классовыми интересами своими, и этой стороной своей примыкаетъ къ общенаціональнымъ интересамъ всего еврейства"*).

Но гдѣ же тутъ соціализмъ?!—вѣроятно, недоумѣваетъ ужъ читатель. А вотъ постойте. За дѣло берется авторъ „Нашихъ" задачъ, и въ его „золотыхъ рукахъ" и медоточивыхъ устахъ нѣсколько туманная философія—философія всегда немножко туманны—нашего новѣйшаго „соціолога" превращается въ чистый, какъ кристаллъ... соціализмъ.

„По нашему глубокому убѣжденію—заливается авторъ—соціализмъ не есть продолженіе только экономическихъ отношеній текущей капиталистической эпохи. Соціализмъ есть соціально-политическое ученіе, ученіе о томъ, какъ, какими мѣрами и какими средствами достигнуть водворенія того общественнаго строя, который будетъ удовлетворять всѣмъ запросамъ развитой личности, который осуществитъ высокій и святой идеалъ человѣческаго общежитія, находящагося въ гармоніи съ „требованіями нравственнаго закона".

„Съ этой точки зрѣнія,—продолжаетъ нашъ авторъ,—точки зрѣнія здороваго и разумнаго идеализма, одинаково чуждаго, какъ матеріалистической, такъ и спиритуалистической метафизикѣ, интересы безконечно развивающейся идеальной личности ставятся конечною цѣлью общественнаго движенія, реальнымъ стимуломъ революціонной борьбы". А такъ какъ понятіе о такой идеальной личности немыслимо внѣ той „національной оболочки", которая всюду является неотъемлемымъ аттрибутомъ ду-

*) Отчетъ, стр. 43—44. Курсивъ вездѣ нашъ

ховнаго содержанія, идейной красоты человѣческой личности, то право „на защиту національныхъ устоевъ своей жизни, на борьбу во имя своихъ національныхъ интересовъ должно быть объявлено естественнымъ правомъ всякаго человѣка и, какъ таковое, должно быть свято чтимо всякимъ мыслящимъ соціалистомъ, всякимъ честнымъ революціонеромъ"*).

Вы видите, какъ „съ точки зрѣнія здороваго и разумнаго идеализма, чуждаго матеріалистической метафизикѣ" туманная философія борьбы за индивидуальность превращается въ соціалистическую борьбу за интересы „безконечно развивающейся идеальной личности", которая, въ свою очередь, является „конечной цѣлью общественнаго движенія, реальнымъ стимуломъ революціонной борьбы". Вы понимаете теперь, почему центральной идеей „національно-революціонной" партіи, которая отнюдь не должна быть узко-пролетарской—является идея возрожденія еврейской націи на собственной территоріи: безконечно развивающаяся идеальная личность внѣ національной оболочки совершенно немыслима. А разъ такъ, то вполнѣ ясной становится та тѣсная „кровная" связь, которая существуетъ между кровавымъ націонализмомъ нашихъ „возрожденцевъ" и тѣмъ, древнимъ какъ міръ, утопическимъ соціализмомъ, отрывокъ изъ котораго они взяли на прокатъ у нашихъ соціалистовъ-революціонеровъ, да еще, по обыкновенію, плохо пересказали его „своими словами".

Вотъ во имя какого „соціализма" вы, еврейскіе пролетаріи, „испытанные въ жизненной борьбѣ", должны приносить себя въ жертву; вотъ на какой „алтарь" вы должны принести свою кровь, свою жизнь. Авторъ „Нашихъ задачъ" близко знакомъ

---

*) Наши задачи. „Возрожденіе" № 1—2.

съ „историческимъ опытомъ", который удостовѣритъ, что къ такимъ жертвамъ способны именно вы. Но не унывайте! Авторъ „вѣритъ", что вы не останетесь одинокими въ своей борьбѣ: вамъ „окажетъ посильную помощь"—сверхъ силъ вы и сами не станете требовать къ вашимъ рядамъ примкнетъ и, главное—самое главное—вами „будетъ руководить та просвѣщенная и нравственно чуткая часть еврейской интеллигенціи—та безконечно развивающаяся идеальная личность, которой теперь—ахъ бѣдная!—такъ тяжело жить среди чуждой, неприглядной дѣйствительности, которая въ тайникахъ своего ума и сердца вынянчила и выстрадала идею еврейскаго возрожденія. Если же вамъ, испытаннымъ въ жизненной борьбѣ еврейскимъ пролетаріямъ, и этого мало, то авторъ „Нашихъ задачъ" —человѣкъ не скупой—обѣщаетъ вамъ въ опредѣленные моменты борьбы за національную свободу еще союзника—въ лучшей части еврейской буржуазіи. Она вѣдь тоже испытываетъ національный гнетъ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ наши трудящіяся и безработныя массы. Конечно, этотъ союзникъ не можетъ принять программы національно революціонной партіи цѣликомъ, онъ не можетъ стать авангардомъ движенія—куда ужъ ему!—но это... „не помѣшаетъ намъ вести въ средѣ еврейской буржуазіи агитацію, опираясь на ея сознанные національные интересы и общія съ ними требованія" *).

Довольно! Все то, что такъ клеймилось въ „мелко буржуазномъ, утопическомъ, реакціонномъ" политическомъ сіонизмѣ, все то, что съ такимъ апломбомъ и съ такой помпой выгонялось въ парадную дверь—все это подъ шумиху звонкихъ, неискреннихъ, напыщенныхъ фразъ благополучно

*) Наши задачи. „Возрожденіе" № 1—2.

провезено обратно—черезъ заднее крыльцо, контрабандой. Самое характерное и вопіющее въ положеніи еврейства заключается въ „проблемѣ еврейской трудящейся массы", проблемѣ, выдвинутой только самымъ послѣднимъ временемъ, а потому —долой мѣщанскія теоріи и случайные моменты! Еврейская національно-революціонная партія должна быть, не узкопролетарской партіей,—она должна защищать интересы широкихъ народныхъ массъ, а потому да здравствуетъ евр. мелкая буржуазія, входящая въ составъ этихъ массъ, да здравствуетъ даже крупная буржуазія, борющаяся за національно еврейскіе университеты! Безконечно развивающаяся идеальная личность— „конечная цѣль" соціальнаго движенія, но эта идеальная личность неразрывно связана съ „національной оболочкой", а потому—да здравствуетъ „центральная идея"—идея національнаго возрожденія на собственной территоріи, моментъ пріобрѣтенія которой „намъ неизвѣстенъ", и долой туманъ неотложныхъ и измѣнчивыхъ практическихъ потребностей дня! Историческій опытъ удостовѣряетъ, что къ принесенію себя въ жертву во имя идеала способенъ испытанный въ жизненной борьбѣ пролетаріатъ, а потому—„шествуй впередъ, рабочій народъ", а ужъ просвѣщенное „руководство" ахъ бѣдной „жуткой" интеллигенціи и благосклонную поддержку сознавшей свои національные интересы еврейской буржуазіи авторъ „Нашихъ задачъ" за тобою обезпечитъ!

Le roi mort—vive le roi!

Сіонизмъ умеръ—да здравствуетъ сіонизмъ! Да здравствуетъ-со всѣмъ своимъ безконечно длиннымъ буржуазно реакціоннымъ хвостомъ!

По какому же поводу шумъ? Зачѣмъ этимъ „революціонно и пролетарски настроеннымъ возрожденцамъ" понадобилось съ такимъ трескомъ

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ

вылетѣть изъ стараго, насиженнаго гнѣзда политическаго сіонизма? Зачѣмъ имъ понадобилось это „новое слово", сказать которое они нарочито „задались цѣлью"?

Несравненный авторъ „Нашихъ задачъ", опьяненный фальшивой музыкой своихъ ходульныхъ фразъ, проболтался—правда, косвенно и экивоками—и на этотъ счетъ.

Банкротство сіонизма со времени прошлогодняго конгресса и событій, ему предшествовавшихъ и его сопровождавшихъ,—не подлежитъ болѣе никакому сомнѣнію, а между тѣмъ, если не все „шестимилліонное еврейское населеніе Россіи", говоритъ нашъ авторъ—то, по крайней мѣрѣ, значительная часть еврейскаго пролетаріата, дѣйствительно, представляетъ собою „сознательно борющуюся силу, съ которой въ неизбѣжно и неотразимо наступающій моментъ ликвидаціи настоящаго политическаго порядка Россіи, безспорно придется считаться". И авторъ думаетъ, что „настала пора организаціи поистинѣ народной еврейской партіи, которая охватила бы всѣ интересы евр. народа въ ихъ настоящемъ, въ ихъ исторической эволюціи и въ связи съ задачами и идеалами будущаго". Болѣе того, нашъ авторъ глубоко убѣжденъ, что „почва для организаціи такой партіи достаточно подготовлена, что всѣ элементы для ея образованія уже имѣются въ наличности"—нужно только объединить и синтетизировать ихъ, „дать конкретное выраженіе всему тому, что въ болѣе или менѣе смутномъ видѣ бродитъ въ умахъ многихъ"*).

Вы видите, „мотивы творчества"—тѣ же, что и у русскихъ новѣйшихъ либераловъ. Стать на открытую дорогу этихъ послѣднихъ мы уже это видѣли—наши трусливые еврейскіе либералы не

*) Наши задачи.

могли. Но создать нѣчто вродѣ еврейскаго соціалъ-революціонизма — оказалось тоже невозможнымъ: выдвигать въ противовѣсъ „узкому базису классовой борьбы“ городского пролетаріата широкіе круги „трудового крестьянства“ нашимъ „возрожденцамъ“ не приходится, по причинѣ отсутствія такихъ круговъ среди евреевъ; но имъ не приходится также ссылаться на еврейскую революціонную интеллигенцію 70-хъ годовъ: послѣдняя менѣе всего была именно еврейской. Безпочвенные, наши „возрожденцы“ и бьются, поэтому, въ тискахъ соціально-революціоннаго буржуазно-еврейскаго духа. А этотъ вымирающій духъ зады вторитъ и лжетъ за двухъ.

И никакіе арлекинскіе костюмы, никакія революціонныя тоги, никакія ходульно-напыщенныя фразы вамъ не помогутъ, гг. „возрожденцы“. И знаете почему? По весьма простой причинѣ: вы пришли слишкомъ поздно.

„Испытанный въ жизненной борьбѣ“ еврейскій пролетаріатъ, организованный въ сознательно борющуюся силу, оцѣнитъ, если уже не оцѣнилъ васъ, по достоинству, несмотря ни на какія ваши маски. Нездоровый нарывъ на большомъ тѣлѣ, вы исчезнете вмѣстѣ съ болѣзнью, васъ породившей. Ваши же претензіи на революціонность и руководительство ничего, кромѣ смѣха и презрѣнія, вызывать не могутъ.

Л. С.